

Н.С. Суворов

**О происхождении и развитии русского
раскола**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н11

Н11 **Н.С. Суворов**
О происхождении и развитии русского раскола / Н.С. Суворов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 66 с.

ISBN 978-5-458-55928-7

ISBN 978-5-458-55928-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

съ своей стороны могло выставить не мало ученыхъ богослововъ, но и съ величайшимъ представителемъ гуманизма, — съ королемъ гуманизма, какъ его называютъ, — съ Эразмомъ роттердамскимъ. Напротивъ, у насъ спорными пунктами оказались обрядъ, буква и правописаніе. Двумя или тремя пальцами дѣлать на себѣ крестное знаменіе, дважды или трижды говорить аллилуію, какъ писать имя Спасителя; „Ісусъ“, или „Іисусъ“, читать ли 8-й членъ символа вѣры: „и въ Духа Святаго Господа животворящаго“, или: „и въ Духа Святаго истиннаго животворящаго“, ходить ли въ церкви, напр. при вѣнчаніи, вокругъ аналоя, по солиду, или противъ солнца, четвероконечному кресту кланяться, т. е. такому, на которомъ только одна поперечная пластинка—для рукъ Распятаго, или восьмиконечному, т. е. такому, на которомъ имѣются еще двѣ поперечныя пластинки—подъ ногами Распятаго и надъ Его головой, съ надписью, —какова должна быть именно эта надпись: „Іисусъ Назарянинъ царь Іудейскій“, или: „Ісусъ Сынъ Божій царь славы“, на пяти или на семи просфорахъ служить литургію, дѣлать ли молитвенное обращеніе къ Христу въ такой формулѣ: Господи Ісусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ“, или въ такой: „Господи Ісусе Христе, Боже насъ, помилуй насъ, и т. п., — вотъ какіе спорные пункты произвели религіозное раздѣленіе въ русскомъ народѣ. Что же? Ужели эти пункты были на столько важны, чтобы произошелъ изъ за нихъ религіозный расколъ? Если они считались дѣйствительно важными, то почему придавалась имъ эта важность? Какимъ образомъ раздѣленіе произошло именно изъ за буквы, изъ за правописанія, изъ за обряда? Наконецъ, какъ могло случиться, что отъ церкви отдѣлилась часть ея членовъ изъ желанія удержать старину, между тѣмъ какъ церковное правительство отреклось отъ этой старины, со имя еще болѣе древней, незапамятной старины?

Въ наше время, смотря, такъ сказать, съ высоты XIX в. на религіозную распрю XVII столѣтія, можно, пожалуй, какъ и дѣлает-

ся нерѣдко, выразить нѣкоторое сожалѣніе объ ограниченности и неразвитости раскольниковъ, но въ тоже время, со всею строгостію, осудить ихъ за то, что они съ невѣжественнымъ упорствомъ ухватились за обряды и за букву, придавъ имъ главное значеніе въ религіи, смотря на нихъ, какъ на догматъ вѣры. Дѣло, однако, заключается не въ одномъ только недостаткѣ просвѣщенія. Недостатокъ просвѣщенія отрицать дѣйствительно невозможно; но это была болѣзнь времени, а не однихъ только раскольниковъ. Тѣ, которые осудили раскольниковъ, точно также придавали слишкомъ важное значеніе буквѣ и обряду, только другой буквѣ и другому обряду,—не тѣмъ, которыхъ придерживались раскольники. Книжные люди московскаго государства не отличались любовью къ фило-софіи, не любили разныхъ мнѣній и мудрованій, а при отсутствіи реального знанія, котораго и на западѣ не было въ средніе вѣка, стало быть и вообще не имѣли никакихъ умственныхъ интересовъ, кромѣ религіозныхъ. Но каковы могли быть религіозные интересы у людей не только безъ всякаго положительнаго знанія, но и безъ привычки къ мышленію? Современная наука съ полнымъ правомъ можетъ относиться свысока къ средневѣковой западной схоластической наукѣ. Но схоластика была все таки наукой, она постоянно держала мысль въ напряженіи, она дисциплинировала мышленіе, приучала его къ порядку и систематичности. Кори-фенъ античной философіи, Платонъ и Аристотель, въ особеннос-ти послѣдній, изучались на западѣ съ самаго начала среднихъ вѣковъ съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ Св. Писаніе и сочине-нія учителей церкви. Не смотря на варварскую латынь, казу-истичность, часто пустую безсодержательную діалектику, работа схоластиковъ была далеко не безплодною, а напротивъ сдѣлала возможною новѣйшую философію. Не вдругъ же человѣческая мысль перешагнула съ Платона и Аристотеля прямо къ Декар-ту и Бэкону. Средневѣковые мыслители занимались тѣми же вопросами о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ, которыми занимались древніе и занимаются новѣйшіе философы. Даже и тотъ, излюб-

ленный, приемъ средневѣковой діалектики, который состоялъ въ томъ, чтобы, выставивъ извѣстное положеніе, приводить во-первыхъ все, что можно сказать *въ пользу* этого положенія, и затѣмъ все, что можно было возразить *противъ* него, — приемъ, повидимому, представлявшій собою не болѣе какъ праздную гимнастику и эквилибристику ума, — даже и онъ оказался не совсѣмъ безплоднымъ: позднѣйшіе деисты позаимствовались очень много изъ того, что приводилось схоластиками *противъ* разныхъ церковныхъ положеній. Страннаго тутъ ничего нѣтъ: въ исторіи еще не бывало примѣра, чтобы мысль человѣческая работала вполне безплодно втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, а напротивъ всегда бывало такъ, что работа несовершенная дѣлала возможною работу болѣе совершенную. Странно, напротивъ, то, что люди, занимающіеся воздѣлываніемъ богословія и философіи въ настоящее время, упражняются въ гимнастикѣ уже довольно вредной, дѣлая исполинскій скачокъ отъ античной философіи къ новоевропейской, оставляя въ совершенномъ невѣдѣніи громадный періодъ времени въ развитіи человѣчества, называемый средними вѣками.

Итакъ, московскіе книжники оставались совсѣмъ не затронутыми умственнымъ движеніемъ запада. Имъ даже противна была философія: не видѣли они въ ней ничего, кромѣ грѣховнаго лукавства мысли. Все философское называли они „еллинскимъ“, въ смыслѣ языческаго, и „латинскимъ“, въ смыслѣ еретическаго. Съ скромностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ самодовольствомъ московскій грамотѣй говорилъ о себѣ: „философію ниже очима видѣхъ и не учихся у философовъ, ни платоновыхъ, ни аристотелевыхъ бесѣдъ не слышахъ, ни философіи не навывъ“. Вмѣсто философіи и наукъ рекомендовалось учиться смиренномудрію и книгамъ благодатнаго закона. „Братіе, не высокоумствуйте, — учили у насъ въ старину, — но въ смиренномудріи пребывайте... Если кто тебя спроситъ: знаешь ли всю философію? — отвѣчай: за еллинскими борзостями не

гонялся, риторскихъ астрономовъ не читаль и съ мудрыми философами не бываль, а учусь книгамъ благодатнаго закона, какъ спасти мою грѣшную душу отъ грѣховъ“. Съ этой точки зрѣнія одинъ изъ вождей раскола, поць Лазарь, былъ вполне выразителемъ взглядовъ своего времени, когда, въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, находилъ отступленіе отъ благочестивыхъ законовъ отеческихъ въ томъ, что царь имѣеть у себя въ чести „мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ“. Не прочь были, пожалуй, наши книжники выступить иногда и съ своимъ аршиномъ; но умственный кругозоръ былъ у нихъ настолько ограниченъ, что они могли задавать себѣ лишь такіе хитроумные вопросы, какъ напр. какое названіе тому дереву, на которомъ повѣсился Іуда? Или: въ какомъ мѣсяцѣ Богъ сотворилъ Адама? Затѣмъ что касается морали, нравственныхъ правилъ жизни, наши старинные книжники составили себѣ односторонній нравственный идеаль, на основаніи, главнымъ образомъ, тѣхъ сочиненій св. отцовъ и житій святыхъ, въ которыхъ восхваляются твердость въ вѣрѣ предъ невѣрными, удаленіе изъ міра въ пустыню и борьба съ плотію. Другая сторона нравственнаго христіанскаго идеала — любовь къ Богу и къ ближнему, не выходя изъ міра — оставалась очень неразвитою.

Однако, при своемъ небогатомъ умственномъ капиталѣ, русскій грамотный человекъ отличался гордостію и самомиѣніемъ. По отзыву иностранца Ульфельда о русскихъ людяхъ XVI в., русскіе считали вѣрнымъ и непреложнымъ все, что ни сказали бы они, не терпѣли противорѣчій въ разсужденіяхъ, не удостоивали выслушать другихъ, перебивали слова. Въ области религіозной самомиѣніе доходило до того, что русскіе приписывали себѣ, такъ сказать, монополію спасенія, только себя считали народомъ христіанскимъ, предметомъ Божіихъ попеченій; въ другихъ странахъ, по ихъ миѣнію, жили люди поганые, некрещенные, нехристи; латынянъ считали нужнымъ перекрещивать, или, пра-

вильнѣ говоря, крестить, какъ некрещенныхъ, если бы кто ли-бо изъ нихъ пожелалъ принять православіе; самихъ грековъ, отъ которыхъ когда-то русскіе получили вѣру, считали нужнымъ посылать въ монастыри, чтобы поучить ихъ и исправить въ вѣрѣ; малороссіянъ подозрѣвали во многихъ заимствованіяхъ изъ латынства и смотрѣли на нихъ далеко неблагосклонно. Чтобы объяснить себѣ это слишкомъ пренебрежительное мнѣніе московскихъ книжниковъ о другихъ народахъ и слишкомъ заносчивое представленіе о себѣ самихъ, нужно принять во вниманіе ту идею, которая съ тѣмъ большею силою господствовала въ московскихъ книжныхъ и правительственныхъ сферахъ, что, при малыхъ умственныхъ средствахъ, не могло быть конкуренціи разнообразныхъ идей,—одна идея безраздѣльно завладѣла умами, сколько нибудь возвышавшимися надъ народною массою.

Идея эта есть идея историческаго преемства послѣ погибшей византійской имперіи. Исторія новыхъ народовъ западной и восточной Европы имѣетъ ту общую черту, что жизнь ихъ начинается въ средніе вѣка подъ руководствомъ церкви. Но западноевропейскіе народы приняли христіанство отъ стараго Рима и подчинились его духовной власти, а народы восточной Европы—отъ новаго Рима—Константинополя и подчинились духовной власти этого послѣдняго. Идея вѣчнаго Рима, высказывавшаяся еще античными римлянами, черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ паденія западной римской имперіи ожила снова въ представленіяхъ передовыхъ людей западной Европы и выразилась въ созданіи священной римской имперіи германскаго народа. Новый Римъ, Константинополь, считалъ эту западную римскую имперію самою званною и, въ особенности послѣ церковнаго раздѣленія между востокомъ и западомъ, смотрѣлъ на старый Римъ, какъ на погибшій для христіанства, такъ что, слѣдовательно, новый Римъ долженъ былъ считаться единственнымъ представителемъ Рима вѣчнаго и христіанскаго. Но вотъ послѣ многовѣковой борьбы съ магометанствомъ, восточная римская имперія разрушается, какъ

разрушилась за 1000 лѣтъ передъ тѣмъ западная римская имперія. Новый Римъ, оплотъ христіанства по взгляду русскихъ, которые отсюда именно получили вѣру христіанскую, становится добычей магометанъ. Другіе народы восточной Европы, принявшіе византійское же христіанство, точно также порабощены туркамъ. Мало того, на закатѣ своихъ дней, сама византійская имперія поскользнулась и пошатнулась въ православіи, вступивъ въ унію съ латынствомъ на соборѣ во Флоренціи. Вѣра византійцевъ сдѣлалась подозрительною, „испроказилась“, въ глазахъ русскихъ. Послѣ потери политической независимости, византійцы даже книги церковныхъ не въ состояніи были печатать у себя. Церковныя книги должны были печататься въ западно-европейскихъ типографіяхъ Венеціи, Парижа и пр. Стало быть, рассуждали русскіе, латынство имѣло тутъ полную возможность отравлять и заражать чистую вѣру въ самомъ источникѣ, окончательно „испроказить“ православіе. Но долженъ же Богъ поручить какому либо народу хранить истинную вѣру на землѣ? Чьи нибудь сильныя руки должны взять этотъ священный кивотъ завѣта изъ разслабленныхъ рукъ Византіи? О, да, разумѣется, и этимъ народомъ можетъ быть только русскій народъ, который, по милости Божіей, страхнулъ съ себя иго татарское какъ разъ около того времени, какъ греки и православные народы восточной Европы покорились магометанамъ, и, не обезсиливаемый удѣльною рознію, живетъ подъ властію сильнаго московскаго князя. Ко времени перваго московскаго царя Ивана Васильевича IV, поставшагося скрѣпить свое царское вѣнчаніе признаніемъ восточныхъ патріарховъ, московскіе книжники имѣли подъ руками уже не мало солидныхъ доказательствъ, подтверждавшихъ наследственныя права Москвы послѣ Константинополя. Оказывалось, что и христіанскую вѣру русскіе получили отъ того же апостола Андрея Первозваннаго, отъ котораго получила ее и Византія. Оказывалось, что еще за долго до паденія восточной имперіи императоръ Константинъ Мономахъ передалъ по наслед-

ству, или, какъ другіе говорили, императоръ Алексѣй Комнень прислалъ нарочито знаки императорскаго достоинства русскому князю Владиміру Мономаху. Оказалось далѣе, что бѣлый клобукъ, который будто бы былъ врученъ нѣкогда Константиномъ великимъ римскому папѣ Сильвестру, какъ отличительный знакъ первосвященническаго достоинства, но потомъ, вслѣдствіе нечестія папъ, по особому откровенію, былъ отосланъ изъ Рима въ Константинополь, отсюда опять, по особенному откровенію, передъ паденіемъ Константинополя, препровожденъ былъ въ русскую землю. Утверждалось, что Сильвестръ, явившись во снѣ константинопольскому патриарху, сказалъ ему: „какъ отъ Рима отнята была благодать, честь и слава, точно также и отъ Константинополя благодать Св. Духа отыметя, и все святое будетъ передано великой русской землѣ“. Оказалось наконецъ, что великая святыня—икона Тихвинской Божіей Матери чудеснымъ образомъ оставила византійскую имперію и перешла на Русь.

Не мудро, что бракъ Ивана III съ отпрыскомъ византійскаго императорскаго дома—Софьей Палеологъ не могъ разсматриваться иначе, какъ одинъ изъ тѣхъ провиденціальныхъ фактовъ, которыми Богъ ясно выражаетъ свою волю въ судьбахъ человѣчества. Не мудро и то, что царь Иванъ IV, уже ни мало не смущаясь, увѣрялъ и себя, и своихъ подданныхъ, и иностранныхъ пословъ, что родъ его идетъ по прямой линіи отъ римскаго кесаря Августа, и что эта, сочиненная имъ самимъ, генеалогія будто бы всему свѣту извѣстна.

Итакъ идея византійскаго преемства съ величайшею силою овладѣла передовыми русскими людьми. Изъ провиденціальныхъ событій исторіи они усматривали, что на народъ русскій и на царя московскаго возлагается Богомъ шапка Мономаха, со всѣмъ ея величіемъ и со всѣмъ ея тягостями. Главнѣйшая обязанность, связанная съ этой шапкой Мономаха, должна была состоять въ сохраненіи истинной христіанской вѣры, православія. Но что же могъ русскій человѣкъ, хотя бы и книжный, понимать подъ

православіемъ? Впервыхъ, онъ зналъ отъ грековъ, слышалъ отъ нихъ безчисленное множество разъ, что нѣтъ на свѣтѣ злѣе латынской ереси, что православному не слѣдуетъ состоять даже въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ съ латынянами, не слѣдуетъ ѣсть изъ одного съ ними блюда и т. п. Если греки сами вступили въ унію съ латынствомъ, если и югозападная, кіевская Русь также вошла въ соприкосновеніе съ латынствомъ; то тѣмъ хуже и для грековъ, и для малороссіянъ, но вмѣстѣ и тѣмъ страшнѣе отсюда отвѣтственность передъ Богомъ для великорусскаго народа и московскаго государя. На нихъ пала вся тяжесть высокой и вмѣстѣ страшной задачи. Вѣдь если здѣсь угаснетъ истинная вѣра, такъ значить и вообще погибнетъ она на землѣ: „четвертому Риму не быть“, — такъ сказалъ и папа Сильвестръ, явившійся во снѣ константинопольскому патріарху. Значить, какъ заботливо, вѣрно и осторожно нужно хранить ввѣренное Богомъ сокровище! Русскій человѣкъ привыкъ къ извѣстному богослужебному порядку, къ извѣстнымъ книгамъ, по которымъ богослуженіе совершается, къ извѣстнымъ религіознымъ обрядамъ. Въ этомъ порядкѣ, въ этихъ книгахъ, въ этихъ обрядахъ, онъ и могъ только поставлять православіе. Полетъ русскаго ума не былъ такъ высокъ, чтобы наши предки могли взглянуть, такъ сказать, сверху на обрядовую сторону религіи. Безъ этой обрядовой стороны, русскій человѣкъ долженъ бы былъ остаться буквально не причемъ. Понятно, что эта сторона религіи и должна была стать предметомъ самаго заботливаго, самаго тщательнаго храненія и попеченія со стороны религіознаго русскаго человѣка. Опасливо отстраняя себя отъ всякаго общенія съ западомъ, русскій человѣкъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ хранить все то, что есть въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, оберегать каждую букву, не допускать ни малѣйшей перемѣны, умирать за „одинъ азъ“, если бы какая либо власть покусилась исключить эту букву оттуда, гдѣ она была, или внести ее туда, гдѣ ея не было. Грамотные русскіе люди не могли допустить,

чтобы самыя мелочныя вещи не имѣли особаго, глубокаго, таинственнаго значенія.

Однако, — замѣчательное явленіе исторіи! — въ то самое время какъ передовые люди книжныхъ и правительственныхъ сферъ болѣе и болѣе выясняли и усвоили себѣ русскую историческую задачу, какъ они ее понимали, въ русскія богослужебныя книги и въ церковныя обряды, благодаря намѣреннымъ и ненамѣреннымъ ошибкамъ писцовъ и переписчиковъ, внесено было не малое число разностей, сравнительно съ греческими подлинниками и даже старинными славянскими рукописями.

Само собою разумѣется, что эти разности принимались на вѣру, какъ и все содержащееся въ церковныхъ книгахъ, безъ критической провѣрки по подлинникамъ. Переписчиками дѣло не ограничилось. Государствованіе перваго московскаго царя Ивана IV представляетъ два поучительныя явленія, свидѣтельствующія о томъ, что если сознаніе національнаго достоинства, чувство народной гордости производитъ много великаго въ исторіи, то, напротивъ, непродуманное и неосмысленное національное сомнѣніе можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Исторія освободила русскій народъ отъ посторонней опеки, не давъ ему въ то же время достаточнаго образованія, не поставивъ его твердо на ноги, и надѣла на него и на царя шапку Мономаха, — и вотъ мы сразу же видимъ сомнѣніе царя и сомнѣніе духовной іерархіи. Сомнѣніе царя, производившаго свой родъ отъ кесаря Августа, выразилось въ тиранніи, не находившей никакой сдержки и никакого противовѣса. Сомнѣніе духовной іерархіи выразилось въ опредѣленіяхъ знаменитаго столпаго собора 1551 г., который, не сносясь съ другими церквами и не справляясь съ древними греческими и славянскими книгами, постановилъ новые догматы: креститься двумя пальцами, аллилуію говорить подважды, не брить бородъ и усовъ не постригать, подъ страхомъ церковнаго проклятія. Русскій взглядъ на обрядъ не могъ быть выраженъ яснѣе и рѣшительнѣе. Члены собора, ар-

Хіерей, понимали религію точно также, какъ и всѣ остальные, книжные и не книжные, люди московскаго государства, т. е. поставляли ее въ обрядахъ, изъ обрядовъ дѣлали догматы вѣры, и при этомъ еще вдобавокъ догматизировали такіе обряды, которые не могли быть подтверждены древними книгами, а установились собственно въ московскомъ государствѣ, или даже совсѣмъ не имѣли никакого отношенія къ религіи.

Не разъ греки, приходившіе въ Москву, смущали русское церковное правительство, утверждая, что въ православной русской землѣ существуетъ много такого, чего нѣтъ и не было не только въ современной, но и въ древней православной Византіи. Смутиться было отъ чего: продолжательница и преемница древней православной Византіи, поставившая себѣ задачею соблюсти истинную вѣру, не соблюла ея, не исполнила своего назначенія, допустила разныя уклоненія отъ православія! Но съ другой стороны не разъ же можно было наблюдать зловѣщія примѣты сопротивленія всякимъ попыткамъ ввести какую бы то ни было поправку въ установившуюся церковную обрядность. Еще при отцѣ Грознаго, великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ, ученый грекъ Максимъ, — не одинъ изъ тѣхъ заурядныхъ грековъ, авантюристовъ и попрошакъ, которые во множествѣ прибывали въ Россію, а грекъ ученый, серьезный и добросовѣстный, — занялся было исправленіемъ ошибокъ въ московскихъ церковныхъ книгахъ.., но не добромъ и кончилъ онъ, а пожизненнымъ заточеніемъ въ монастырской тюрьмѣ. Представленный къ Максиму помощникъ по исправленію книгъ, Медоварцевъ показывалъ на судѣ, къ которому привлеченъ былъ Максимъ, что его, помощника, дрожь проряла великая и ужасъ на него напалъ, когда Максимъ велѣлъ ему заглазить нѣсколько строкъ въ одной церковной книгѣ: такъ смотрѣлъ русскій человѣкъ на исправленіе церковныхъ книгъ. Или вотъ другой примѣръ. Архимандритъ Сергіевой Лавры Діонисій — лицо, имѣвшее не малое право на вниманіе и уваженіе, тотъ самый Діонисій, который въ смутное время самозванщины